

Глава 23. Это что, обмен любовными дарами?

Лю Чжэчжи знал только одно: Змейка его жалеет. Откуда ему было догадаться, что тот просто хочет уложить его обратно в постель? Он еще и похвалил его:

— Змейка такой молодец, так чисто всё выстирал.

Да я тебя, мать твою, не хвалиться просил, а обратно лечь!

Хвост снова плеснул в него водой. Пусть брызг было совсем чуть-чуть, Лю Чжэчжи и так понял, что Змейка сердится. Решив, что похвалил недостаточно, он тут же подыскал другие слова:

— Змейка в столь юном возрасте уже умеет так заботиться о других. Когда-нибудь, найдя себе дао-спутника, ты наверняка будешь беречь прекраснейшего красавца на свете как сокровище, и ваша жизнь будет подобна гармонии цитры и сэ.

Хвост уже поднял воду, но, расслышав, за что именно его хвалят, Мо Янь вовремя замер.

Ты... ты, мать твою, поменьше тут болтай! Не думай, что я не стану тебя ругать только потому, что ты наговорил приятного!

Подметив все эти мелкие движения, Лю Чжэчжи решил, что верно нащупал подход, и принялся хвалить его дальше.

— Я лишь учу тебя пути совершенствования и укреплению сердца, а Змейка сам сумел постичь, что лишь через труд закаляется дух. С такой проникательностью ты однажды непременно станешь одним из величайших могучих мастеров во всех Шести мирах.

— Сейчас ты лишь еще не принял человеческий облик, но когда примешь, Змейка и в совершенствовании, и в нраве превзойдет обычных людей, а красотой будет поистине бесподобен — чист, как ветер и луна, прям, как сосна и изумрудный бамбук. Не знаю даже, сколько сердец ты сведешь с ума...

Мо Янь родился демоном, а позже, став Демоническим Владыкой, прослыл во всех Шести мирах великим бедствием. Куда ни явится — везде одно и то же: все готовы броситься на него с криками. Он привык лишь бесить людей до зубовного скрежета и слышать проклятия, а не похвалы.

И вот теперь перед ним — целая череда приятных, изящных слов, да еще и из уст заклятого врага, да еще так искренне. Выслушав всё это, Мо Янь и думать забыл, как вообще ругаются.

Под этим холодным, спокойным голосом его чешуя будто вот-вот должна была высечь искры.

Ему до смерти захотелось прямо сейчас отрастить восемь рук и всеми разом стирать ему одежду.

Разве мог Лю Чжэчжи этого не заметить? Он понимающе кивнул.

Вот оно что. Змейка не поросенок — скорее уж маленький ослик. Его надо гладить по шерстке.

Сам того не заметив, Лю Чжэчжи освоил верный способ воспитывать Змейку. Он и без того был из тех, кто верит: лишь усердие и труд делают человека достойным, так что баловать Змейку вовсе не собирался. Напротив — хотел с малых лет приучить его к тяготам, чтобы тот закалил характер и в будущем не отступал перед бедами, умел выдержать и ветер, и дождь.

Так что Мо Янь тут же остался без передышки. Только-только закончил со стиркой — а Лю Чжэчжи уже берется перестилать постель. Он укусил его за рукав, велел не делать этого — тот не послушал. Попробовал сам — и так надорвался, что снова закашлялся кровью. В итоге Мо Яню пришлось взяться за дело лично.

Змея, которая сама была меньше края одеяла, умудрилась подцепить пастью всю постель, свернуть старое, постелить новое и привести в порядок всё ложе целиком. Под похвалами Лю Чжэчжи он трудился всё усерднее и усерднее.

В спальне было что прибирать. Мо Янь жил грубо и небрежно, так что беспорядок царил повсюду. Лю Чжэчжи смотреть на это спокойно не мог и решил навести порядок с самого начала — сперва подошел к письменному столу, которым пользовались чаще всего.

Но стоило ему приблизиться, как он увидел на столе собственный портрет. Пусть не живой до совершенства, но весьма удачный. Только вот мазок туши всё испортил, а подол одежд так и остался недорисованным.

Он замер, уставившись на рисунок. А Мо Янь в этот миг тоже вспомнил, чем занимался до того, как тот очнулся, и вся его змеиная туша начала неудержимо наливаться жаром.

Проклятье... Попасться с поличным за тем, что рисуешь портрет своего заклятого врага, — это же, мать твою, какой позор!

— Змейка так хорошо рисует, — не только сказал Лю Чжэчжи, но еще и взял портрет в руки, чтобы внимательно рассмотреть. Чем дольше смотрел, тем сильнее радовался. Выражение лица почти не изменилось, зато глаза засияли. — Значит, Змейка так скучал по мне? Так сильно любит меня?

Сказав это, он бережно убрал рисунок, а затем поднял Мо Яня и прямо в змеиный рот чмокнул.

— И я люблю Змейку. Больше всех люблю Змейку.

Он не лгал. В этом мире его ничто не держало: ни родных, ни друзей, ни привязанностей. К мирским вещам он тоже был равнодушен. И теперь единственным, что было ему дорого, оставалась только эта маленькая змейка в его руках. Так что и любовь его была единственной — и самой сильной.

Ты... ты куда целуешь-то, Лю Чжэчжи?! Не зарывайся!

Чешуя Мо Яня запылала еще сильнее. Высунув язык, он принялся яростно возражать.

Кто по тебе скучал? Кто тебя любит? Я твой заклятый враг! Ты мне до смерти надоел!

Если бы тут был еще кто-нибудь, да я бы, думаешь, тебя рисовал?!

— Муа.

Лю Чжэчжи без всяких церемоний чмокнул и его высунутый язык.

Мо Янь: ...

Извращенец! Не надо было вообще давать ему очнуться!

— Портрет очень красивый, только не законченный. Змейка, нарисуй мне еще один?

Лю Чжэчжи спросил так естественно, будто речь шла о самой обычной вещи. Мо Янь же вытаращился на него во все глаза.

Ты, мать твою, кем себя возомнил? Я, Демонический Владыка, тебе не художник! Сказал — нарисуй, и я сразу должен? Кто тебе дал такую на...

— Хороший Змейка, ну нарисуй мне еще один...

Лю Чжэчжи был совсем слаб, и голос его тоже ослабел. От малейшего движения он начинал задыхаться, говорил медленно, протяжно — и оттого это звучало почти как ласковая просьба.

Мягкость — это еще полбеды. Главное, даже холодный его голос не мог скрыть, что в нем проскальзывало нечто... почти кокетливое.

Когда такой неземной красавец — да еще и бывший заклятый враг — стоит перед тобой

слабый, хрупкий, точно Сиши, прижимающая ладонь к сердцу, и еще так просит, Мо Янь хоть зубы себе кроши — устоять всё равно не смог.

Ну... ну хорошо. Этот Владыка так и быть, с великой неохотой нарисует тебе еще один.

Змейка кивнул у него на ладони. Глаза Лю Чжэчжи засияли еще ярче. Окинув комнату взглядом, он выбрал место, которое чаще всего попадалось на глаза, и указал на стену у кровати:

— Змейка, когда закончишь, я повешу портрет здесь, и каждый день буду видеть вложенное в него чувство, которое ты мне подарил.

Нетрудно было заметить, что говорил он от чистого сердца, искренне — почти с беззаветной открытостью. Мо Янь по-прежнему не понимал, почему тот так добр к какой-то маленькой змее, почему выделяет ее среди всех и отдает ей всю душу. Но вынужден был признать:

это, черт возьми, было чертовски приятно.

— Змейка подарит мне портрет, а я подарю Змейке... — Лю Чжэчжи ненадолго задумался, затем распахнул ворот и снял с шеи нефритовый кулон, повесив его на него. — Когда я пришел сюда, он уже был при мне. Это не какая-то драгоценная редкость, но вещь личная, носимая при себе. Считаю, это тоже знак моего сердца.

Мо Янь опустил взгляд на кулон. На нефрите еще хранилось его тепло. И Демонический Владыка, прошедший через бури и волны, миг остался без слов.

Это... у вас, праведников, что, такие обычаи?

Почему это выглядит так, будто... будто дао-спутники обмениваются любовными дарами...

Вообще-то, если уж говорить о правилах приличия, это был бы просто ответный подарок, и ничего подобного в таком обмене нет. Но Лю Чжэчжи относился к нему искренне, хотел отдать ему всё лучшее, что у него было, вот и подарил вещь, носимую у самого тела.

— Змейке нравится? А если не нравится — покачай головой.

Да какая, к черту, разница, нравится мне или нет? Ты же потом опять прижмешь меня и заставишь кивнуть! Думаешь, я твои подлые приемчики не раскусил?

Мо Янь не шевельнулся. Только хвостом тронул кулон.

Нет, ты глянь, нефрит и правда хороший. От прикосновения теплеет, и еще будто пахнет... А? Да этот кулон весь пропитался запахом Лю Чжэчжи?

Похоже, он и правда носил его при себе много лет.

На этот раз Лю Чжэчжи вовсе не собирался его принуждать. Если бы Змейке не понравилось, он хотел дать ему что-нибудь другое. Но раз тот не покачал головой, менять ничего не стал.

— Тогда решено. Змейка еще слишком мал, я пока сохраню его для тебя, а потом, когда ты подрастешь...

Он уже потянулся снять кулон, но хвост тут же шлепнул его по руке.

— Змейка?

Мо Янь вцепился в кулон зубами и уставился на него.

Лю Чжэчжи, ты вообще человек? Разве подарки забирают обратно?!

— Я не отнимаю его у Змейки. Просто Змейка еще такой маленький, с этим кулоном ему неудобно. — Лю Чжэчжи потянул за шнурок. — Видишь? На тебе он почти до пола свисает. Когда подрастешь — я сразу верну.

Мо Янь сделал вид, что ничего не слышит, и уполз, не выпуская кулон из пасти. Только забравшись туда, где Лю Чжэчжи не мог его увидеть, он спрятал подарок.

Раз уж отдал мне — обратно не получишь! И не мечтай!

Почти спрятав кулон окончательно, Мо Янь вдруг, уловив на нем тонкий аромат, замялся. Осторожно высунул голову, огляделся по сторонам и, убедившись, что Лю Чжэчжи не пошел за ним, украдкой, словно вор, лизнул нефрит.

Хм. И правда пахнет. Точно так же, как холодный аромат от самого Лю Чжэчжи.

Это что же, если ты красив до такой степени, у тебя и собственный телесный аромат появляется?

Лизь...

Размышляя об этом, Мо Янь сам не заметил, как снова лизнул кулон. А лизнув, сам же и застыл, ошеломленный. Спohватившись, он поспешно сделал вид, будто ничего не произошло,

и запрятал нефрит поглубже.

Всё, всё, пропал. Неужели я и правда заразился от этого извращенца Лю Чжэчжи?..

<http://bllate.org/book/16980/1586074>